

Литературная Страница

Константин НЕФЕДЬЕВ.

НАШИ ВОРОТА

Сергей Пескарев пришел в копровый цех после десятилетия.

Длинное помещение цеха с ферменной крышей и металлических стенами встретило его оглушительным грохотом. Стояло марево от горячего шлака, взметались языки пламени и дыма, высоко над головой с ревом катились мостовые краны. Казалось, что механизмы без людей выполняют сложную работу. Немыслимо было представить, что среди этого огненного моря мог находиться человек.

Сергею невольно вспомнились эти-то предостерегающие слова: «Гляди, Пескарев! На горячем шлаке работать — не блины жарить. Там ведь пустыня Сахара...».

Дождавшись конца смены, Сергей с удивлением смотрел на чужаков машинистов, собравшихся в конторке мастера. Они были говорливы, веселы, громко смеялись, обсуждая какого-то Дранкина. И тогда у Сергея родилось в душе чувство уважения и зависти к этим людям.

«Неужели я не смогу?...».

По первости было трудно. Пыль и соль от пота ели глаза и лицо, как вредные насекомые. От шума редукторов, сухого щелканья контактов и скрежета катков тело казалось дырчатым, как губка, которая впитывала в себя все звуки.

Но так было свыше полугодика назад. Сейчас цеховая «музыка» стала привычной, и Сергей даже полюбил ее. Привычной стала и работа в шлаковом отделении.

Сергей работает сегодня с трех часов дня. Войдя в цех, он скользнул взглядом вокруг. Солидным басом гудел богатый-богатый «Кировец». В бойном отделении бухали падающие на скрап многотонные шары. В самом дальнем конце цеха два мостовых крана трудились над вереницей думпкаров, загружая их шлаком. Все это означало, что цех работает нормально, идет разделка шлака и металла для мартенов.

До начала смены оставалось несколько свободных минут, и Сергей подошел к машинистам и такелажникам, сидящим возле электрощитовой будки.

Здесь в большинстве пожилые люди — старые опытные копровики. Некоторые из них пренебрежительно поглядывали на молодое. Сергею немножко обидно, но он ничем не выдает себя. Но, пожалуй, самое обидное, что на него с таким же пренебрежением поглядывают и Катя-Козленок — контролерша из ОТК, которая и работает всего какой-то месяц.

Не может Сергей равнодушно смотреть на Катю. Или злость появляется на нее, или еще что-то непонятное... Не похожа Катя на других контролеров. Вот и сейчас она громко разговаривает с машинистом Гришей Кравченко.

— В следующий раз ползком обследую семистонку, а негабарит не пропущу! Ты меня знаешь, я упрямая. Понял, браконьер несчастный! — Катя решительно встряхивает косичками ситцевого платочка и уходит в конторку мастеров.

Сергей тоскливо смотрит ей в след, но она обратила на него внимания не больше, чем на пустое место, а это, как всегда, здорово обидно.

— Ведь вот скрапина, — вздыхает Кравченко, — зацепи-

РАССКАЗ

лась за меня и царапает. Что же я по-твоему каждый кусок металла линейкой буду обмерять? — обращается он к соседу Бурзаеву.

— Молодой еще, — говорит Бурзаев, — не знаешь как делать. Зачем все глядят как грузишь? Надо тихо, немножко сверху габарит трусить, тогда пойдет. А что козел, что козленок, это публика вредная.

У контролерши Кати фамилия Козлова, но за ней с первых же дней укрепилось имя «Козленок». Произошло это потому, что она очень требовательно относится к отправке на мартен габаритной шихты. Увидит на вагоне кусок металла не по размеру и пишет где-нибудь мелом так, чтобы видел машинист: «Эй, козел, твой козлик в наши ворота не пройдет». Приходится снимать такой металл, иначе она забракует весь вагон. Катя упряма, как козел.

Многие машинисты не долюбливают «вредную Катю», особенно Бурзаев. Вот и сейчас, едва она успела отойти, как он завел разговор:

— Раньше была работа, никакой контролер не видал, никакой габарит не знал. Разбил изложницу на две части, тащи на вагон. Попал кусок на магнит, хоть в тысячу тонн, тоже клади.

— Врешь ты, Бурзаев, и раньше габарит был, — возразил немногословный машинист Проскуров.

— Зачем вру? Правду говорю. Габарит был, Козленка не было, сам себе хозяин.

— Вот и видно, что не было настоящих хозяев, а вот такие, как ты, хозяйничали.

Много раз уже слышал Сергей от Бурзаева такие разговоры и чего греха таить, кое-что перенял. Некоторые машинисты вперемешку с хорошим металлом отправляют на мартен и негабарит. Контролеры на это закрывают глаза. Кусок, другой, не такая беда, лишь бы не было видно снаружи на вагоне.

С такими явлениями Сергей познакомился в первые же дни. Грузили в думпкары шлак, отправляемый на свалку. Этот шлак должен быть проверен особенно тщательно, чтобы не попал на свалку металл. И вдруг Сергей заметил, как сосед вместе со шлаком зацепил грейфером и кусок раскаленного «блина». Такой металл имеет форму лепешки, и мартеновцы называ-

ют его донным — остатки стали в разливочном ковше. Его, как правило, отправляют в бойное отделение под разделку, но некоторые нерадивые разлишники валият вместе с бросовым шлаком.

Пескарев позвонил и стал позвать рукой, решив, что машинист просто не заметил оплошности. Но тот отправил металл в думпкары и сверху завалил шлаком, а Сергеем погрозили кулаком.

После работы он подошел к Сергею и зло заговорил:

— Ты, Пескарев, свою работу делай, мне не мешай.

Заметив, что Сергей молчит, он добавил уже более миролюбиво:

— Что делать будешь? Такой кусок негабарит, а долбить его — целый час пропадет. За это время пять думпкаров погрузишь.

— Как же так? — думал после этого разговора Сергей. — Кругом лозунги, плакаты: «Борись за каждый килограмм металла!», а тут целые тонны уходят на свалку.

Рев кранов смолк, точно по команде. В цехе наступила тишина, и тогда стало слышно, как по земле ползет низкий тягучий вой заводского гудка.

Смена.

Смена предстояла скучная. Не было ни думпкаров под шлак, ни вагонов под скрап. Сергей цеплял магнитом тяжелый слиток, поднимал над ямой и бросал на спекившиеся пластиы шлака. Шлак от ударов дробился, его собирали грейфером и ссыпали в кучи. Мысли у Сергея невеселые. Он думал о Кате.

С первых же дней в цехе они поругались, и с тех пор не стало житья молодому машинисту: то шлак слишком крупный, то металл проглядел, то еще что-то. Станет под его краном и глядит, к чему бы придаться.

Подали вагон под скрап. Из мартеновского цеха пришли чаша со шлаком. Скантовали под краном.

Работа пошла веселее. Сергей работает рукоятями командо-контроллера, как жонглер палочками. Легкое движение, и многотонный грейфер, разинув свою ненасытную пасть, камнем падает вниз или взлетает под самую ферму моста. Шлак собран, и на смену грейферу плавно выкатывается магнитная тележка. Она способна притянуть к своему гладкому пяткачу тысячекilограммовые глыбы металла.

(Окончание в следующем номере).

Знаете ли вы?

...что в одном кубическом сантиметре воздуха столько молекул, что равное им число кирпичей могло бы покрыть весь земной шар слоем толщиной в десятки метров.

...что мощная советская землеройная машина — шагающий экскаватор «ЭШ-25 100» может за 75 секунд перенести 25 кубических метров земли или 40—50 тонн угля на расстояние до 200 метров.

...что за один час все автомобили на земном шаре сжигают около 400 тысяч тонн бензина.

...самым быстрым живым существом за земле является живущее в Северной Англии насекомое цефеномия. Оно преодолевает в час 1300 километров.

...самым быстрым из четвероногих является гепард, который в состоянии пробежать в час 100 километров, львы и жирафы развивают скорость 9—10 метров в секунду, зайцы — 22, страусы — 25.

...самым сильным по отношению к собственному весу животным является жук-носорог, при весе в 14 граммов он способен тащить груз весом 1580 граммов.

З И М А

Зима ковер пушистый
расстелила,
Укрыв полей обветренных
простор,
Как ласковая мать заботливо
укрыла
Долины, горы и притихший
бор.
**
Нарисовав в окне узор
лучистый,
Ручья журчащего сковала бег.
Деревья дремлют в бахроме
пушистой,

Бросая тени светлые на снег.
**
Бегут мальчишек озорные
стан,
С горы несутся, весело
смеясь.
Мелькают лыжи, вихрем снег
взметая,
И туча пыли снежной
поднялась.
К. НЕКЛЕЕНОВ,
сталевар печи № 14 третьего
мартеновского цеха.

ДОГОНИ...

Рис. Г. Шибанова

Николай РОДИОНОВ

ПИСЬМО ЮЖНОМУ ДРУГУ

Товарищу-кавказцу
Мой привет,
Привет сынишке
И поклон супруге!
Пишу тебе я
На письмо ответ
Под свистопляску
Новогодней вьюги.
Она скребется
В мерзлое окно
И на прикуре
Тушит пламя спички.
Но я не сдамся
Вьюге все равно,
Хотя и спрятал
Плечи под «москвичкой».
И ежась
От ее незримых рук,
Я все равно
Кавказскому посланью
Отвечу так,
Как отвечает друг —
Без лицемерья
И без опоздания.
Так, значит, ты
Зовешь меня в свой край,
Где жизнь идет
Как будто интересней.
И где природа —
Как ни рассуждай —
Для человека
Все-таки полезней.
Еще ты пишешь
Про какой-то склад,
Про должность
С ежемесячно тыщей...
Спасибо, друг.
Я тоже был бы рад
С тобой выпить
Под одну крышей.
Я также рад
Всему, что прочитал.
Но дело в том,
Что даже ради друга.
Я не отдам
Продымленный Урал
За все сады
И ароматы Юга!
Я знаю, здесь —
Ты понимаешь? — Здесь

Наш эпицентр
Индустриальной славы,
А это ведь
Огромнейшая честь —
Трудиться перед взором
Всей державы!
Знать, потому
И счастлив я сто крат
Смотреть на то,
Как от огня Урала
Уносит поезд
Мой прощальный взгляд
На новых тоннах
Моего металла.
Быть может, ты
Воспримешь мой ответ
За некую
Красивую открытку.
Но твой же сын —
Вихрастый шпингалет —
И тот мечтает
Укатить в Магнитку.
Ему, конечно,
Много невдомек,
Ему пока что
Знать о многом рано.
И все же он
В журнале «Огонек»,
Давно изъездил
Всяческие страны.
И заглянув
В его грядущий век,
Когда мечты
Окажутся на воле,
Мне кажется,
Что этот человек
Все ж ударит
От папы к дяде Коле.
Прощай, мой друг.
До встречи за письмом.
А если там, на Юге,
Станет скучно,
То помни —
Двери
В мой уральский дом
Я распахну
Тебе
Собственноручно!

Редактор Д. М. ГНИЛОРЫБОВ.